

18+

Светлана
Бестужева-Лада

Берег любви

Любовный роман

Светлана Бестужева-Лада
Берег любви. Любовный роман

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С.

Берег любви. Любовный роман / С. Бестужева-Лада —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744080-0

Русский бизнесмен, попавший в «полосу невезения» в работе и личной жизни, внезапно улетает во Францию, на пустынный океанский пляж, где оказывается в довольно затруднительном положении. Он и представить себе не мог, что девушка, помогшая ему и тут же исчезнувшая, станет для него настоящим счастьем.

ISBN 978-5-44-744080-0

© Бестужева-Лада С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Все – и сразу	6
Глава вторая. Свобода как осознанная необходимость	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Берег любви
Любовный роман
Светлана Бестужева-Лада

© Светлана Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Все – и сразу

День явно не задался. Причем даже не с утра, а с минувшего вечера. Сидя на заднем сидении машины по дороге в свой офис, Николай мысленно вернулся часов на двенадцать назад и непроизвольно передернулся: такого неприятного разговора с супругой он и не припомнит. Хотя...

Это она умела, Наталья, супруга законная, так построить беседу, что чувствуешь себя облитым грязью с ног до головы. С самого начала, чуть ли не с первой встречи примерно так и беседовали. Потому и женился, что не хотел чувствовать себя негодяем-совратителем невинной девы.

А вот почему он себя таким почувствовал – до сих пор понять не может. Все ведь происходило, как говорится, по доброму согласию. Кто мог предположить, что в двадцать с лишним лет такая красивая девушка так и осталась нетронутой? Не бывает в наше время таких чудес, по определению не бывает. Вот и женился... от изумления перестал соображать, что делает. Теперь уж и не вспомнить.

Вчера... А что, собственно, произошло вчера? Наталья пришла к нему в кабинет – не поленилась пройти через весь дом, да еще подняться на второй этаж! – и самым ангельским из имевшихся в ее репертуаре голосом спросила:

– Вы не забыли, Николай Николаевич? Кажется, на завтрашний день у нас с Вами был запланирован выход в театр.

Сначала это ее изысканное «Вы», даже наедине, казалось ему пикантной «изюминкой», придающей любой ситуации свой, совершенно неповторимый колорит. Но с годами приелось и вызывало только ощущение плохо разыгрываемой пьесы на сцене провинциального театра.

– Пешком? – машинально осведомился Николай.

И тут же пожалел о своей оплошности.

– Конечно, Вы способны только издеваться надо мной. Что такого я спросила, чтобы сразу нарываться на унижения? Почему это Вы позволяете себе так со мной обращаться? Подумать только, я задала самый простой вопрос, а в ответ получила...

Да, конечно, она прицепилась не к слову (к чему цепляться в одном слове?), а к интонации, с которым это слово было произнесено, к тому же сразу учуяв в этом «саркастичное глумление». Нужно было просто сказать: нет, не забыл, все в силе. Или: не забыл, но пойти не смогу, потому что... Глядишь, и проскочил бы очередной риф супружеской жизни без особых потерь. Ну, хлопнула бы Наталья дверь, обозначая негодование, ну и что? А он ввязался в никому не нужную полемику.

– А что, все машины у нас, конечно же, срочно пребывают в ремонте? – чуть менее кротко осведомилась Наталья. – Или ты их уже успел кому-нибудь подарить? Впрочем, меня уже давно не удивило бы ни то, ни другое. Ты просто циничный человек, живущий только своими собственными интересами и никогда неспособный на что-то для других, а уж для жены-то и подавно. Ради меня тебе и пальцем-то шевельнуть лень. Для меня любая поездка – это проблема, как, впрочем, проблемой давно успело стать и все остальное.

– Вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, – попросил Николай.

И совершил вторую ошибку – уже непоправимую. Нужно было промолчать. Или мобилизовать все запасы терпения и ответить: дорогая, я неудачно пошутил. Все машины в порядке и к твоим услугам, выбирай любую. Хоть «Пежо», хоть «Кадиллак», хоть... Благо, есть из чего выбирать; лично у Натальи два авто – вышеупомянутые, – а еще в гараже стоят джип, «Ауди» и – для смеха – «ЗИЛ-110», когда-то лимузин для очень избранных, да и теперь – игрушка не для каждого.

– Конечно же, для Вас – как видите, я для Вас – всегда пожалуйста, – с готовностью откликнулась супруга. – С огромнейшим удовольствием. Только вот закурю.

Она достала из кармана своего роскошного домашнего платья плоскую пачку сигарет и, не дожидаясь помощи супруга, щелкнула золотой игрушкой-зажигалкой. По кабинету поплыл запах ментола, который Николай, мягко говоря, не переносил. О чем Наталье было великолепно известно. Наверное, поэтому и устроилась не поодаль на диване, а непосредственно перед письменным столом в глубоком кожаном кресле бутылочного цвета. Чтобы и ноги во всей красе продемонстрировать крупным, так сказать, планом, и дать супругу возможность всласть ментола нанюхаться.

– Вы не мужчина. И просто неспособны им быть. Когда я выходила за Вас замуж, Вы были совершенно другим, мне казалось, что вот человек, который действительно меня любит и готов идти со мной по жизни вместе... Ну и кого же я вижу? Тряпку со вторичными половыми признаками? Самодовольного типа, который только и умеет, что раздавать красивые обещания? Вы прекрасно знаете, как я верила в само слово «Мужчина». Рыцарь, защитник, человек, который ведет свою женщину по жизни за руку. Ну сколько раз я говорила, что я ненавижу, когда мне приходится человека «пинать», подталкивать его к каким-то действиям? Ну сколько раз я говорила, что настоящий мужчина не нуждается в сотнях дополнительных напоминаний, а сразу делает? Ну сколько раз я Вам говорила, что терпеть не могу этот дом? Раз сто, не меньше. И что? Вы соизволили хотя бы озаботиться найти приличное жилье? Хорошо, я понимаю: Вы заняты, Вам некогда ездить и смотреть дома. Я готова была сама этим заняться. Потратила массу времени, нашли несколько замечательных вариантов. Вы на них даже не взглянули...

– Милая, я работаю, – кротко ответил Николай. – Для поисков жилья существуют специальные люди, называются риэлторами. Мне совершенно все равно...

– Вот именно! Вам все равно. И не нужно делать из меня идиотку, я прекрасно знаю, кто занимается недвижимостью и как называется эта профессия. А платить им, Вы считаете, не нужно? Вы даже не соизволили выделить для этого деньги. По-видимому, я должна тратить свои, не так ли? И машину заправлять за свой счет. И еще одеваться соответственно и выглядеть, как полагается Вашей жене... И все из моего кармана? Вы очень хорошо устроились, мой дорогой.

Николай посмотрел на жену даже с интересом: Наталья за всю жизнь не заработала ни единого рубля. Сначала доченьку кормили-одевали-обували не слишком богатые родители. Потом девушка созрела для самостоятельной жизни, приехала в столицу, осмотрелась и...

И вот теперь перед ним в глубоком кожаном кресле сидит выхоленная до кончиков ногтей, натуральная – черт бы ее побрал, действительно натуральная! – блондинка, в чем-то шелково-переливчатом, не скрывающем идеальные ноги и умопомрачительную фигуру. Сидит, держит в изящных пальчиках безумно дорогую тонкую дамскую сигарету, сверкает колечками-перстеньками-браслетами и привычно плетет паутину липких, оскорбительных, нелепых слов.

Николай тоже закурил, хотя знал, что этим только отягощает свое положение.

– Во-вторых, Вам прекрасно известно, что я не выношу табачный дым, – не обманула его ожиданий Наталья. – Особенно Ваш излюбленный дым отечества, между прочим. Если бы Вы курили американские сигареты...

– С каких пор «Голуаз» стал российской маркой? – по-прежнему кротко осведомился Николай.

– Все импортные сигареты делают в России! И не сбивайте меня, пожалуйста. О чем я говорила перед этим?

– О том, что тебе надоело меня содержать, – доброжелательно напомнил ей Николай. – Ты же не миллионерша.

Голос у Натальи не изменился, хотя лицо пошло розовыми пятнами. А это вообще было крайне опасным признаком.

– А-а, намекаете на то, что я – обыкновенная содержанка? Провинциалка, подцепившая богатенького Буратино? Конечно, Вы именно так меня и выставляете перед своими друзьями и их шлюхами-подружками. А то, что Вы у меня – первый и единственный мужчина, это, разумеется, не в счет. То, что я прохожу изуверские процедуры, чтобы угодить вашей милости и родить наследника – это тоже ерунда? А то...

Николай на время перестал слышать елейно-ядовитый голосок супруги. Да, конечно, все эти долгие семь лет он надеялся, что Наталья забеременеет. Пусть только родит – он будет выполнять любые ее причуды и терпеть все заскоки. Только пусть родит. Девочку.

Наследник ему не нужен, не хочет он никаких наследников. Доченьку хочется, маленькое, нежное существо, которое будет забираться ему на колени, лепетать что-то, тоненькими пальчиками гладить по щеке. Которой можно будет завязывать пышные банты, покупать красивых кукол, возить во все Диснейленды, которые только существуют на свете. И которую будут звать Лизонькой...

– ... самому нужно обследоваться! – ворвался в его грезы уже визгливый голос. – Почему, интересно, Вы решили, что я не могу забеременеть? Может быть, это Вы не способны стать отцом? Кстати, как мужчина Вы...

– Пропусти, пожалуйста, десять страниц, – устало попросил Николай. – Про мужчин я уже все знаю, про себя – тем более. Что ты от меня хочешь? Чтобы я купил тебе очередной новый дом? Или чтобы я бросил курить? Что ты вообще хочешь?

– Счастья, – мгновенно отозвалась жена. – Обыкновенного человеческого счастья. Нежности. Внимания. Тепла, наконец. А Вы все измеряете деньгами, деньгами, одними только деньгами. И для Вас имеют значения только Ваши желания... Ах, боже мой, Вы все равно не поймете!

Он действительно не понимал. Тепла, значит, хочется? Нежности обыкновенной? Так почему же, когда он пытается быть нежным, она от этих самых нежностей шарахается? Почему стремится как можно быстрее вот именно что исполнить супружеский долг, даже не скрывая отвращения к такому времяпрепровождению?

И это еще в лучшем случае, обычно она находит массу сверхуважительных причин, чтобы уклониться от близости. Почему остается такой же холодной и равнодушной, как во время их первой ночи? Тогда это еще можно было объяснить неопытностью, страхом и вообще – первым разом. Но теперь-то?

Уже пять лет у них – разные спальни, Наталья настояла под предлогом того, что муж невыносимо храпит, во-первых, и встает в несусветную рань, во-вторых. Мало того, что спальни отдельные, так еще и находятся в разных концах дома, а это, между прочим, не малогабаритная трехкомнатная квартира. Двухэтажный особняк с зимним садом под стеклянной крышей наверху, с бассейном, сауной, бильярдной – в подвальном этаже. А еще – две гостиных, большая и малая, столовая, кухонный блок размером с корабельный камбуз.

Дом строился больше года под личным контролем Натальи, и этот год был, пожалуй, самым спокойным и счастливым в их семейной жизни... если вообще можно говорить о каком-то счастье. Но, по крайней мере, его молодая жена целыми днями моталась по ателье всевозможных дизайнеров и архитекторов, вникала в каждую мелочь, вплоть до цвета плитки в санузле для прислуги, занималась подбором этой самой прислуги. И к вечеру в полном изнеможении валилась на супружеское ложе в пока еще московской квартире, где, по ее мнению, только ночевать и можно было.

Хотя до свадьбы Николай прожил в этих пятикомнатных апартаментах вполне комфортно и жалоб ни от кого из гостей (женского пола) не поступало. Наоборот, в глазах своих более или менее постоянных подруг Николай отчетливо видел страстное желание поселиться

в этой квартире и, может быть, только занавески в кухне сменить, поскольку все остальное было солидно, элегантно и удобно. А он женился на женщине, которой даже ею лично построенный особняк (образно выражаясь, конечно) разонравился спустя несколько месяцев после новоселья. А муж, кажется, разонравился еще раньше особняка.

И ведь другого мужчины в ее жизни нет, он это прекрасно знал и знает. Не потому даже, что Наталья постоянно твердит о своей супружеской верности, о том, что никогда и не взглянула на кого-то еще. Не взглянула, это правда, мужчин она вообще не жалуется, предпочитает своих бесчисленных приятельниц и подружек. С ними – на самые модные курорты, с ними – в элитные закрытые клубы, с ними – в салоны красоты. Хотя для кого она себя холит и лелеет – непонятно. Скорее всего, для себя, любимой.

– Я закрываю глаза на Ваших бесчисленных любовниц, – продолжала тем временем Наталья. – Я не жалуясь, что Вы постоянно ездите в какие-то командировки, которые сами себе придумываете. Я стараюсь быть образцовой женой, а что получаю в ответ? Что, я спрашиваю?

Ответ на этот вопрос Николай, конечно, знал, но именно поэтому и не ответил. Разговор вышел на привычный, набивший уже оскомину, маршрут, свернуть с которого было совершенно нереально. Бесчисленные любовницы? Сказано, конечно, сильно, но...

Но любовницы-то были. Правда, в количестве, вполне поддающемся исчислению, правда, встречался он с очередной подружкой крайне редко и без особой, кстати, охоты, скорее в интересах здоровья. Чем-то эти девы рано или поздно начинали напоминать законную супругу: дорогие подарки и деньги любили самозабвенно, но считали делом чести строить из себя бескорыстных жертв роковой страсти.

К тому же каждая, рано или поздно приобретала тот особый взгляд, который Николай уже знал наизусть: в голубых, черных, карих, серых очах явственно сияли два золотых обруча. Эти Настасья Филипповны московского разлива непременно желали стать «порядочными женщинами» – читай, сочетаться браком.

Желательно, конечно, еще и благословение церкви получить, но, в крайнем случае, сойдет и обычный ЗАГС. Детей у молодого еще миллионера нет, развод – сущая формальность, в общем, легкая добыча... с первого взгляда. Иногда Николай жалел, что не родился мусульманином, тогда многих проблем в его жизни не существовало бы вообще. Но беда заключалась еще и в том, что он не был любителем восточных красоток, а европейские, в основном, российские женщины, гарем считали чем-то неприличным. Непонятно, правда, почему.

Гарем – это прекрасное изобретение мусульман, позволяющее им держать женщин на том месте, которое им определяет мужчина. Классические гаремы, конечно, давно приказали долго жить: нет уже роскошных дворцов, где в одном зале возле фонтана резвилось бы с полсотни юных гурий. Но уважающий себя мусульманский мужчина имеет несколько жен, каждая из которых живет в отдельном доме, и посещает их либо по расписанию, либо по настроению. Ни сцен ревности, ни модных приемов, ни походов в рестораны, театры и так далее... Не жизнь – сказка.

Нынешняя незаконная подружка Николая, носившая модное имя Ульяна, исключением не являлась. Работала вроде бы фотомоделлю, но практически всегда была свободна. Обладала непомерно длинными ногами, роскошными волосами, цвет которых менялся еженедельно, и абсолютным отсутствием каких-либо комплексов, в том числе, и в постели.

Обожала походы в рестораны, пикники, дискотеки и вообще всевозможные увеселительные мероприятия, а благодарность за новую побрякушку или тряпочку выражала бурно и с фантазией. И больше всего напоминала молодую, полную сил пантеру, которая может жертвой закусить, но может и об ноги потереться с ласковым мяуканьем. На долю Николая пока доставался последний вариант. Пока.

Контраст с женой был, конечно, ошеломляющим, но... утомительным. Хищников, тем более – хищниц Николай не выносил по определению, в зоопарк не любил ходить с самого

раннего детства, а вакханки вызывали у него некоторую даже робость. Но Ульяна, по крайней мере, не ныла и не канючила, деньги не выпрашивала, а устраивала так, что он сам их ей предлагал, и вообще жизнь воспринимала как нескончаемый праздник, который, правда, обязаны были устраивать ей те мужчины, которые удостоились ее благосклонного внимания. Но – увы и ах! – тоже мечтала стать законной женой, хотя старалась это желание не слишком демонстрировать.

«Развестись бы, – тоскливо подумал Николай, стараясь не слышать наконец-то прорвавшихся рыданий супруги. – Оставить ей все, что она пожелает, и уехать. Бросить этот клятый бизнес к чертовой матери. В принципе, я могу прожить и без машины с персональным шофером, и без загородной виллы с бассейном и теннисным кортом. Работать менеджером на какой-нибудь фирме, жениться на обычной девушке...»

Он и сам понимал, что все это – мечты и химеры. Не сможет он бросить свой бизнес: на иглу богатства и власти подсаживаются покруче, чем на шприц с наркотиком. Наталья ни за что не даст ему развода, затаскает по судам, замучает попытками самоубиться и прочими своими штучками. Любовницу, конечно, можно поменять, но... Но от перемены одной райской птички на другую ситуация не изменится. И там, где он бывает, вероятность встретить милую, скромную и, главное, добрую спутницу жизни практически была равна нулю. Такие женщины в подавляющем своем большинстве пользуются общественным транспортом, а Николай уже успел забыть, когда последний раз спускался в метро.

Рыдания Натальи постепенно замирали. Так, кажется, этот сеанс постепенно заканчивается. «Затихает Москва, стали синими дали...» Даже силы этой ангелоподобной дамы не безграничны.

– Так, – сказал Николай, закуривая очередную сигарету, – ты выговорила? Можно переходить к делу? Что ты от меня хотела, когда шла сюда?

– Ничего, – отчеканила Наталья, вставая. – Я от Вас не хочу ни-че-го! Можете отправляться к своим девкам, по своим делам – куда угодно. Только ко мне в спальню, будьте добры, не являйся, мне сегодня этого не вынести.

– Прости пожалуйста, а зачем ты вообще тогда приходила? – попытался спросить Николай.

– Мне кажется, я пока еще имею право приходиться к Вам в любое время. Только последнее время у Вас как-то не находилось ни сил, ни времени, ни желания поговорить со мной. Я ведь не зверь какой-нибудь... Я просто пытаюсь понять...

...последняя фраза прозвучала темным магическим заклинанием. Сколько Николай помнил их отношения, фраза «я просто пытаюсь понять» всегда служила спусковым крючком для скандала. Ибо, когда она была уже произнесена, единственным мирным выходом было немедленно сказать, «прости, любимая» и, сломя голову, мчаться за чем-нибудь эксклюзивным и супердорогим. Потому что в противном случае...

Развитие разговора было уже известно. «Вот я помню, как мой отец на какой-то день рождения подарил моей маме КИРПИЧ и попытался отшутиться, что „Это – краеугольный камень будущего дома“. Не прошло... Так вот, мой отец поехал ночью в областной центр и купил ФРАНЦУЗСКИЕ ДУХИ... Вот так и поступают настоящие мужчины. И мама была права, что с этими духами не пустила его домой, он ночевал в подъезде, утром бегал еще за розами, и только потом...» В душе что-то с хрустом перещелкнуло.

– Я тебе все объяснил. Если есть еще вопросы, задавай их по существу, без экскурсов в семейную историю. По-жа-луй-ста.

– Вы просто псих. Я же русским языком сказала, что просто пытаюсь понять. А Вы, наверное, считаете меня просто ущербной деревенской дурой... И как я могла жить с Вами все это время...

– Дорогая, разговор ЗАКОНЧЕН. Все дальнейшие вопросы будут завтра. Я УСТАЛ. Поняла?

Тяжелая пепельница с хрустом опустилась на стол.

– Да, поняла. Я же говорила, что Вы просто псих. И всегда готовы избивать слабых и беззащитных женщин. Нашелся бы рядом настоящий мужик, он бы с Вами ТАК поговорил...

Как ни странно, в голосе Натальи появились какие-то умиротворенные нотки, сменив визгливость.

– Я же сказал – ХВАТИТ. Разговор закончен.

– Нет, дорогой. Не закончен, пока Я так не решу, – почти промурлыкала супруга.

Она направилась к двери, потом остановилась и через плечо метнула последнюю отравленную стрелу:

– В свободное от досуга время поглядите на себя в зеркало. Тогда, может быть, поймете, что Вашим потаскухам от Вас нужны только Ваши деньги. Без них с Вами и рядом-то никто не сядет, не то, что ляжет.

И хлопнула дверью. То есть обозначила, что хлопнула, поскольку двери закрывались практически неслышно, с каким бы размахом их ни шарахали. Зато резко отодвинутое Николаем кресло врезалось в противоположную стену с оглушительным треском, а сам он долго не мог унять дрожь в руках и жуткое сердцебиение. Обычный финал рутинного супружеского диалога...

Все вместе взятое следовало понимать так, что завтра с утра, самое позднее – к обеду Николай обязан явиться к супруге с повинной и каким-нибудь презентом, вечером сопровождать ее на очередную премьеру очередного заумного и недоступного простым смертным театрального действия, потом отвезти в один из ее излюбленных, как сейчас принято говорить, «пафосных» ресторанов.

И не приставать к ней со всякими глупостями в ближайшие три дня, но при этом все вечера проводить дома – или не дома, но в непрерывных попытках умиловить обиженную им супругу. Если ничего сверхординарного не случится, по истечении этого срока Наталья, так и быть, допустит его в свою спальню. И вытерпит минут десять с выражением такой откровенной брезгливости и в то же время жертвенности на лице, что...

Да ну ее к черту, в самом деле! Сколько у него было женщин – ни одна не выражала недовольства. Нет, он не был суперменом или каким-то из ряда вон выходящим любовником, но доставить женщине удовольствие мог и доставлял. Практически любой женщине, кроме законной супруги. И в зеркало, кстати, он смотрелся регулярно: оно показывало ему мужчину слегка за сорок, со вполне приемлемой фигурой и достаточно приятным лицом. Опять же, конечно, не Аполлон, но залысин пока нет, зубы все свои и здоровые, руки ноги на месте...

В этот самый момент раздался противный скрежет металла, машина дернулась и замерла. Так, только этого не хватало: аварии. Теперь милиция душу вынет, про бумажник можно даже и не заикаться. Что за день сегодня, будь он трижды неладен!

– Что там у тебя случилось? – спросил он оцепеневшего шофера.

– Да нас, Николай Николаевич, типа протаранил какой-то чудила, – очнулся водитель. – Машина, похоже, всмятку.

– Ну и шут с ней, – уже спокойно, почти равнодушно ответил Николай. – Разбирайся тут, а я поеду.

– Один? – ужаснулся шофер. – Но шеф...

– С шефом я сам разберусь, – заверил Николай. – Это тебе он – шеф, а мне – начальник охраны. Моей собственной, между прочим. Все, расти большой.

Он выбрался из действительно здорово покореженной машины, обогнул толпу зевак и владельца джипа – виновника аварии, прошел метров сто, поймал какие-то замызганные

«Жигули» и покинул место происшествия. Вместо раздражения он уже испытывал какое-то странное чувство отстраненности, словно и не с ним все это происходило.

«Вполне мог и откинуться, – вяло размышлял он, глядя невидящими глазами на пыльные, забитые разномастными машинами московские улицы. – Вмажься этот крендель с моей стороны – и большой всем привет. То-то Наталья бы обрадовалась! Не разведенка какая-нибудь была бы, а молодая, богатая вдова. Поди-ка плохо. Пожалуй, надо сказать мужикам из охраны, чтобы языками не трепали, а то огорчат супругу мою до невозможности. Такой шанс пролетел. Тем более, она любит черный цвет, не снимала бы траур лет десять, а его кабинет сделала бы мемориальным. И на кладбище бы каждую неделю ездила неутешную скорбь демонстрировать, такой возможности она бы ни за что не упустила. А я, как всегда, все ей испортил, негодяй.

Вот приеду сейчас в офис... А что, собственно, я забыл в этом офисе? Небось, и без меня разберутся, заместитель имеется, других работничков, почитай, армия. Заеду-ка к Ульке, кофейку попью, то-се. Она все плачется, что я к ней только спать приезжаю, так сегодня по-другому будет. Она девка веселая, что-нибудь придумает. Правильно, надо ломать эту неvezуху, а то сыплется и сыплется, как из дырявого мешка. Кстати, тут до дома ее – рукой подать...»

– Командир, останови тут, я прогуляюсь, – почти весело скомандовал он.

– Но вы же сказали...

– Передумал. Держи, сколько просил.

– Хозяин – барин, – пожал плечами водитель, полностью удовлетворенный полученной суммой.

– Это ты правильно сказал, – отозвался Николай, вылезая из машины. – Давай, крути баранку, глядишь, сам до барина докрутишься.

Водитель угодливо хихикнул, Но Николай этого уже не слышал.

«Улька спит, наверное, – думал он, шагая переулками к дому, где снимал для любовницы квартиру. – Значит, сюрприз будет. Сейчас часов девять, а она никогда раньше полудня глазки не продирает. Даже интересно посмотреть. Сварю кофе, отнесу девушке в постель. Черт, с пустыми руками как-то непривычно к ней идти. Ладно, говорят же: „Лучший мой подарок – это я“. Вот и поглядим, как она такому презенту порадуется».

Дом – бывшие элитные цековские хоромы – стоял в глубине тихого, зеленого двора. В холле сидела знакомая консьержка, которая на сей раз не столько обрадовалась, сколько всполошилась при появлении Николая, но тот не обратил внимания на ее эмоции.

– Утро доброе, – бросил он на ходу, направляясь к лифту.

Консьержка что-то пискнула в ответ; за шумом открывающихся дверей лифта Николай слов не разобрал. Он уже рылся в карманах, доставая общую связку ключей. И снова удивился: при всей стервозности и умении закатить скандал на пустом месте Наталья никогда не обшаривала его карманы и не задавала дурацких вопросов. Или обшаривала, но вопросов уж точно не задавала. От равнодушия, наверное. Или ее устраивает именно такое положение вещей и, окажись он верным, примерным семьянином, она бы не смогла изображать из себя жертву садиста-развратника. Черт этих баб разберет, в самом деле!

Сцены-то, скорее всего, устраивала для профилактики. Чем дольше длился его брак, тем яснее Николай понимал: супруге драгоценной на самом деле в высшей степени наплевать, где и с кем он проводит время. Лишь бы не нарушал ее собственных планов и не разрушал любовно выстроенную для посторонних картину «идеального супружества». Ну, так чем бы дитя ни тешилось...

В этом доме на каждом этаже было всего по две квартиры. Николай привычно шагнул от лифта влево, вставил ключ в замочную скважину, открыл дверь и прислушался. Действительно, спит девушка, судя по всему. Интересно, во сколько вчера улеглась? Или это произошло уже сегодня?

Дома-то она, безусловно, находится: по всему холлу раскиданы босоножки, шарфик, какие-то побрякушки, полупустая бутылка коллекционного шампанского. Судя по всему, вечер удался, Николай даже позавидовал. Пока он выслушивал навязший в зубах монолог дорогой супруги, любимая девушка где-то «зажигала» и наверняка получила от этого значительно больше удовольствия. С другой стороны, если бы он вчера сопровождал ее на эту, очередную, вечеринку, то сегодняшней рабочий день можно было бы считать пропавшим. Так на так получается.

В первый момент он даже не понял, что, собственно, его так поразило в приятном полумраке спальни. Но уже в следующую секунду до него дошло: на шикарном, сугубо импортном, почти голливудском ложе мирно почивали... двое. На одной подушке пышно рассыпались локоны Ульяны – на сей раз остромодного цвета «баклажан», проще говоря, красно-лиловые. А на второй...

На второй покоилась голова какого-то очень юного, но явно мужского пола создания. На это указывала густая черная щетина создания, а также небрежно разбросанные по спальне предметы сугубо мужского туалета.

Первой реакцией Николая было – сдернуть одеяло с этой сладкой парочки, дать неверной любовнице хорошую оплеуху, а ее партнера просто отправить в нокаут. После чего вышвырнуть поганку из квартиры, с вещами или без – вопрос второй, и тут же все это забыть. Лет двадцать тому назад, когда Николай только-только начинал зарабатывать свои первые, более или менее приличные деньги, события развивались бы именно в такой последовательности. Да и лет десять тому назад – пожалуй, тоже.

Но сейчас-то ему вот-вот должен был пойти пятый десяток, и устраивать балаган ради... Ради чего? Его любовница спит с другим мужиком? В общем-то, конечно, свинство, но кулаками махать – глупее глупого. Зачем демонстрировать этой пустоголовой кукле, что она якобы для него что-то значит, особенно если это не вполне соответствует действительности? Точнее, совсем не соответствует.

Николай тихонько отступил на исходные позиции, то есть ушел в глубину квартиры, на довольно-таки захламленную кухню, и принялся готовить себе кофе. Хотя бы этот пункт программы – попить кофе – ему не хотелось нарушать. Молоть зерна и заваривать ароматный напиток по всем правилам он уже не собирался; включил чайник и достал из шкафчика банку растворимого кофе. Труднее всего было найти чистую чашку, но и с этим он в конце концов справился.

Удивительная неряха Улька, однако! Через день ведь приходит домработница: убирать, стирать, готовить и так далее, а впечатление все равно такое, что в квартире никто порядок годами не наводит. А если учесть, что питаться девушка предпочитает вне дома, то остается только удивляться, почему раковина вечно до краев полна грязной посудой, а бутылки и банки из-под разнообразных напитков расшвыряны по всей квартире. Наталья, по крайней мере, за чистотой в доме следит фанатично... Опять Наталья, пропади она пропадом!

Закурив, он обнаружил, что вкуса сигареты совершенно не ощущает. Новое дело! Так вообще последних радостей в жизни можно лишиться. Вот уж действительно «богатые тоже плачут», только плакать он не собирался вовсе, скорее ему хотелось рассмеяться. Кто-то там, наверху, по-видимому, решил в один день выполнить годовую норму по неприятностям на одну его, Николая, голову. Ну, и ладно, кто он такой, чтобы возражать?

Два месяца тому назад Ульяна объявила ему, что беременна, и потребовала денег на аборт. Деньги она, разумеется, получила. Николай тогда подумал только, что если бы такую новость услышал от Натальи, то заплатил бы раз в десять больше, лишь бы она ребенка сохранила и родила. Но от нее он слышит только то, что виноват в бесплодности их брака исключительно он, а его нежелание обследоваться это только подтверждает.

Обследовался он, только ей ничего говорить не стал, чтобы лишней истерики не получить. Все у него в порядке. У нее – по ее словам – тоже. А долгожданной вести о том, что будет ребенок, все никак не может услышать. Впору на богомолье идти, как раньше делали. Так для этого верить нужно, а он... Он даже не знал, верит в бога или нет, иногда только в шутку говорил, что Бог – это вообще-то природа, но может наказать.

Потрясающая все-таки вещь – человеческая психика. Желю он любит ничуть не больше, чем любовницу, точнее – вообще не любит. Но в первом случае имелась хотя бы твердая гарантия того, что ребенок – от него. В случае же с Ульяной...

А что – с Ульяной? Возможно, то, что произошло – к лучшему. Ребенка она все равно не хотела, ни от него, ни от кого-либо другого. Да и был ли ребенок-то? Он ведь доказательств не требовал, выложил энную сумму на аборт и тут же про это забыл. И вообще, какая из этой девчонки мать? Ей самой еще нянька требуется, ну, в крайнем случае, гувернантка. Избалована, капризна, без царя в голове... Только что не злая, и на том, как говорится, спасибо. И, пожалуй, хватит с него, тем более предлог для разрыва отношений сам подвернулся, искать не пришлось.

Сейчас он положит ключи на кухонный стол и уйдет. Тихо, спокойно, не нарываясь на безобразные сцены. Хотя, тихо и спокойно не получится, девушка пробудится к полудню, выставит своего сопливого кавалера, пойдет на кухню, обнаружит ключи и...

И начнутся бесконечные телефонные звонки в офис и на мобильный с выяснением отношений, клятвами, проклятиями и обещаниями «все-все объяснить». Было уже, к сожалению, все это было. Правда, с поличным, как сегодня, он ее застукал впервые, но косвенных признаков того, что девушка регулярно ходит «налево» было предостаточно. Она, собственно, и не слишком конспирировалась, была, по-видимому, уверена, что все ее фокусы так и будут безнаказанно сходить с рук. Как же: такая красавица, весь мир у ног ползает...

Кажется, единственная женщина, которая действительно хранит ему верность – это Наталья. Грустно, но очевидно. Предшественницы Ульяны тоже не были обременены предрассудками и короткие прогулки «налево» грехом не считали. Правда, вели себя все-таки менее нагло, но все же, все же...

Ну, и как теперь поступить? Впрочем, долго размышлять над этим Николай не стал; допил кофе, аккуратно загасил докуренную почти до фильтра сигарету в переполненной пепельнице и направился обратно – в спальню. Правда, теперь шел нормально, не боясь нашуметь. Как говорится, «пора, красавица, проснись...»

На звук его шагов Ульяна сонно приподняла голову и приоткрыла прекрасные, хотя и слегка припухшие глаза. Она даже испугаться не успела. Николай аккуратно положил на тумбочку ключи от квартиры, потрепал бывшую любимую женщину по обольстительно-загорелому плечу и сказал только:

– Береги себя.

И вышел из квартиры, хлопнув дверью, негромко, но достаточно убедительно. Слово точку поставил вместо уже привычного многоточия.

За дверью, спускаясь в лифте и выходя на улицу, он испытал странное чувство. Облегчение, конечно, да, но и... Пустоту какую-то, что ли. Женщины все-таки удивительные создания! Вроде бы все есть, но обязательно найдется что-то, чего позарез не хватает, причем именно в данный конкретный отрезок времени. Зачем Ульяне понадобилось тащить молодого любовника в собственную квартиру? У него что, с жильем проблемы? Тогда на кой он вообще ей сдался? Перепила вчера сверх меры? Ну, не до такой же степени, чтобы рисковать достаточно обеспеченным настоящим. А впрочем... кто ее разберет!

В молодости он с этой проблемой справлялся лучше: его тогдашним подружкам для полного и абсолютного счастья был необходим ужин, поездка на машине до места ночлега и какая-нибудь эффектная безделушка в качестве сувенира. И вели они себя все-таки поскоромнее,

внаглую не изменяли, денег на аборты не требовали. Впрочем, тогда, кажется, с этим дело обстояло проще, он не вникал.

Но чем богаче становился Николай, чем больше возможностей у него появлялось, тем меньше вокруг него оставалось не слишком прихотливых представительниц прекрасного пола. Хорошенькие, незамысловатые девушки остались где-то там, в прежней жизни, вместе с талонами на водку и сигареты и жилищной проблемой. Теперь его окружали женщины и девушки совершенно иного пошиба, словно явившиеся на Землю из другой Галактики. Наталья, конечно, апофеоз, но и остальные...

Ладно, с Ульяной закончено, теперь нужно взять тайм-аут, передохнуть, просто подумать о жизни. Совершенно не обязательно, чтобы сразу за оставленной любовницей появлялась следующая, он прекрасно обойдется без женщин вообще какое-то время. Возможно, даже довольно длительное. Сексуальная озабоченность в набор его достоинств не входила, просто имидж «крутого бизнесмена» требовал соответствующего образа жизни. Ну и черт с ним, с имиджем, покой, в конце концов, важнее.

Конечно, Ульяна попытается вернуть его, но несколько дней в запасе у него, безусловно есть, а за это время многое может измениться. Или у девушки все-таки хватит мозгов не лезть на рожон и смириться со своим проколом? Она же не дуручка, в самом деле...

Как выяснилось, в женщинах он до сих пор ничего не понимал. Думал, что самым фактом личной передачи ключа от квартиры, где девушка лежит, избавил себя от ненужных телефонных звонков или по крайней мере отсрочил их на несколько дней. Увы! Звонки начались ровно через десять минут после того, как он покинул обгаженное любовное гнездышко.

– Коля! – забился в трубке мобильного телефона нежный и донельзя обиженный голосок Ульяны. – Как ты можешь так со мной поступать?!

– Я? – неподдельно изумился Николай. – С тобой?!

– Конечно! Я могу показаться тебе до ужаса банальной, но... Коля, это совсем не то, что ты... Ты даже не соизволил меня выслушать. А я могу все-все объяснить...

– И это совсем не то, что я думаю, – грустно закончил фразу Николай. – Это я понимаю, детка, можешь не напрягаться.

Ульяна запнулась, точно налетела на неожиданное препятствие. Затем, судя по всему, перегруппировала силы и вновь бросилась в наступление.

– Конечно, выслушать женщину тебе просто никогда не приходило в голову... А я... Ну пойми, все что я натворила – это же от отчаянья и безысходности... Ну, я виновата. Ну и что? А тебе пришло в голову позвонить мне вечером и поинтересоваться, чем я вообще дышу? Ты не понимаешь, мне просто было ТАК плохо... Я думала – думала только о тебе. И что? Хотя бы один звончок в трубке раздался? Нет!!! Значит, тебе на меня – НАПЛЕВАТЬ. Да, именно – на-пле-вать! Тебе все равно, чем я дышу, ради чего живу... Нет, я не понимаю, как можно быть такой железной, бесчувственной и бессердечной скотиной...

– Это действительно трудно, – согласился Николай, улучив момент. – Но вообще-то мы договорились созвониться сегодня утром – разве ты не помнишь?

– Ну да, конечно. Нашел удобный повод. Ты вообразил, что я не в состоянии (по своей деревенской тупости) понять, что ты нарочно сказал, что позвонишь мне только сегодня. Ну, выкроил ты время, чтобы всласть пообщаться с бабами, которых ты себе за моей спиной наводил.

– Все то же самое, только короче, – начиная уставать от этого разговора, вздохнул Николай. – Вообще-то вчера я был с женой...

– А ко мне тогда какие претензии? Ну да, нашелся-таки настоящий мужик, которому не по барабану, почему я плачу в ночном клубе... Да, спросишь, что я там забыла? Отвечаю – а куда мне еще было идти?

– В консерваторию, – доброжелательно посоветовал Николай.

– Издеваешься? – взвилась Ульяна. – Мужику, которому я верила, на меня – наплевать, он развлекается где-то со своими бабами. А у меня есть – ДРУЗЬЯ, представь себе. Которые всегда поддержат, не то что твои подзаборные шлюхи, которым нужны только твои деньги...

– Тебе они не нужны? Прекрасно, учту.

– Ну, прости, пожалуйста. Но ведь даже преступников амнистируют. Просто вчера я выпила лишнего...

– Алкогольное опьянение является не смягчающим, а утяжеляющим фактором, – довел до ее сведения Николай.

– Ты что, нарочно изгаляешься надо мной? – почти взвизгнула девушка.

– Нет, – ответил Николай и дал отбой.

Телефон тут же зазвонил снова.

– Дай мне хотя бы шанс...

– Не дам.

– Я же не устраиваю тебе сцен из-за того, что ты спишь с женой...

– Детка, – почти развеселился Николай, – ты себя-то слышишь, когда несешь всю эту чушь? Только таких сцен нам и не хватало для полного счастья.

– Но как я буду жить? Об этом ты подумал?

– Квартира оплачена до конца года, – освежил ее память Николай. – Машину я тебе подарил на день рождения. Тряпок у тебя – девать некуда, цапок тоже хватает. Можешь пойти работать. Молодая, красивая, здоровая.

– Ты все сводишь к деньгам! Как всегда! – патетически воскликнула Ульяна. – А я... мои чувства... душа, наконец...

– А ты – к чему?

– Но мне казалось... Наши отношения... Человеческие чувства... Нельзя же...

– Мне тоже казалось, – перебил ее Николай, терпение которого вдруг резко закончилось. – Теперь уже не кажется. Все, детка, не унижайся, не звони мне больше, ни на мобильный, ни в офис. В крайнем случае, позвони мне домой, пожалуйста жене. Она тебя поймет, как никто, это я точно знаю. В общем, найдешь другого...

– Конечно, найду, – неожиданно спокойно, но со звенящей злобой ответила Ульяна. – Не волнуйся. Деньги – не проблема, но я к тому же найду настоящего мужчину, а не муляж. С тобой в койке – как на каторге. Да ты в зеркало на себя хоть иногда смотришь?

– Только когда бреюсь, – отрезал Николай и отключил телефон совсем.

От усталого равнодушия не осталось и следа. Теперь он даже жалел, что не дал пару затрещин этой смазливой хамке, которую он поймал с поличным, и которая тут же просто утопила его в ядовитой злобе. Пассаж насчет внешности оставил его достаточно равнодушным: Наталья, супруга любимая, столько раз на эту тему язвила, что он уже привык пропускать это мимо ушей. Не нравится – не смотри, делов-то.

А вот насчет интима... Тут Ульяна, конечно, ударила по больному. Хотя до этого демонстрировала африканскую страсть и следующее за нею чувство полного и глубокого удовлетворения. Ворковала, что любовника лучше у нее никогда не было. Словом, испытывала, по ее же словам, неземное блаженство. И он верил. Дурак. А теперь оказалось, что это просто очередной номер за те же деньги. Нет денег – оказалось каторга, а никакое не блаженство.

И Наталья постоянно всем своим видом показывает, что спать с ним – просто наказание. Правда, ни разу об этом не сказала впрямую, все больше намеками, да иносказаниями. Воспитание не позволяет называть вещи своими именами... Своими?

А собственно чем он так уж плох? Конечно, не сексуальный гигант, но вполне нормальный зрелый мужик, и удовольствие женщине вполне может доставить. Правда, для этого и женщина должна хотеть это удовольствие получить, а не снисходить, сжав зубы. Разуме-

ется, он подозревал, что Ульяна несколько преувеличивает свои блаженные восторги, но чтобы до такой степени...

Сначала одна с претензиями на загубленную жизнь и невозможность общения с таким чудовищем, теперь – другая, а между ними – автомобильная авария, чудом закончившаяся без увечий. Не слишком ли много для одного человека? При этом расплачиваться за все это – как в прямом, так и в переносном смысле, – приходится самому Николаю. Да, забавная все-таки штука, жизнь. Иногда буквально обхохочешься.

Незаметно для себя Николай пришел к собственному, родному офису. Не столько пришел, сколько ноги привели, потому что меньше всего он думал о маршруте. Охранники у стеклянных дверей просто ошалели, увидев босса, не выходящим из машины, как полагалось, а как бы возникшим из общего потока обычных пешеходов. Даже дернулись, дабы пресечь дерзкую попытку проходимца проникнуть в охраняемое ими помещение. Дернулись – и застыли в почтительном изумлении.

– Здорово, служивые, – бросил им Николай на ходу. – Вы бдите, все правильно. А то ходят тут всякие...

Ответа он, ясное дело, не дождался. Но ребята на входе все-таки быстро пришли в себя: всего несколько секунд понадобилось, чтобы стряхнуть с себя оторопь и позвонить по внутреннему телефону. Молодцы, нужно будет отметить при случае. Наверху, возле дверей кабинета уже стояла с блокнотом наготове его личная секретарша, сокровище бесценное Марго, классическая старая дева, без внешности и без возраста, живущая только интересами обожаемого шефа.

Впрочем, «обожаемый» – это не то слово. Марго, для всех прочих служащих фирмы – Маргарита Павловна, или даже «сама», Николая Николаевича боготворила, смотрела на него с непреходящим восторгом, ловила каждое слово, а зачастую и угадывала невысказанное. При этом Николай был совершенно уверен в том, что любовь эта – сугубо платоническая, чуждая всех земных страстей и вообще всего земного. Зато – настоящая, неподкупная и абсолютно бескорыстная.

А по совокупности, так сказать, данных, никогда бы Николай не променял бестелесную и бесцветную Марго на полдюжины красоток любой масти. Красоток – пруд пруди, а Маргоша – единственная, неповторимая и незаменимая. Даже представить себе невозможно свой офис без нее. Да что там офис – саму жизнь. Вот без жены жизнь очень даже представлялась, без любовницы – тем более, а без Маргариты... Без Маргариты жизнь просто закончится.

– Что у нас? – осведомился Николай, проходя в кабинет.

– Почти спокойно, – доложила Марго, слегка выделив голосом слово «почти».

– А подробнее?

– Финны настаивают на личной встрече. Очень настаивают.

– Но ведь договор практически подписан, нет?

– Они подписали договор под честное слово вашего заместителя, что обязательно встретятся с вами лично.

– Что?

Николай затормозил на полдороге, не успев занять свое кресло за огромным столом. Умная и опытная Марго, притормозив синхронно с шефом, молчала, зная, что на этот вопрос вполне можно и не отвечать. Вообще если можно было в какой-то ситуации обойтись без слов, она именно так и поступала. Редчайшее, между прочим, качество для женщины. Хотя и для подавляющего большинства мужчин – тоже.

– С каких пор из меня тут делают идиота? – задал следующий, тоже риторический вопрос Николай. – Михал Михалыч не может разрулить простой проблемы самостоятельно? Тогда пусть забудет о премиях и всяких там надбавках. Или поищет себе другое место работы, где вообще не нужно принимать решений. Вахтером, что ли...

– Вызвать его? – бесстрастно осведомилась Марго.

– Перебьется! Договор с финнами, конечно, штука хорошая, но по мне – проходной номер. Не хотят – не подписывают, я им не папа Римский, чтобы лично освящать всякую муру. Оформи все это, Маргоша, как положено, и пусть Михалыч на досуге почитает. Еще что?

Марго поставила в блокноте одной ей понятную закорючку.

– Еще вы хотели провести сегодня совещание на тему перспектив...

– Проведем в перспективе, сегодня не тот день. Дальше.

– Звонили из Чикаго, просили удвоить заказ. На нашу продукцию спрос неожиданно пошел вверх.

– Чем объяснишь?

– Наверное, у них опять входит в моду экологически чистый хлопок. Или стал остромодным шерстяной трикотаж. Узнать подробности?

– Обойдусь. Переправь бумаги второму заму, пусть все оформят и потом доложат об исполнении. Еще поставками я не занимался...

– Просили лично вас.

– Зачем у меня два заместителя и куча помощников?

На этот вопрос Марго не сочла необходимым ответить. Тоже посчитала риторическим.

– Слушай, Маргоша, давай разгоним всю эту банду бездельников и останемся с тобой вдвоем. Ведь справимся, правда?

– Можно попытаться, – без тени улыбки ответила Марго.

При всей серьезности она каким-то неуловимым образом дала понять, что начальственную шутку поняла и высоко ее оценила. Действительно, клад, а не сотрудник. Жаль, что годится только в секретари, а не в жены, цены бы такой жене не было.

– Ладно, помечтали и будет. Что-нибудь еще важное?

– Звонила Наталья Александровна. Просила напомнить о сегодняшнем вечере.

– Ты напомнила, – отозвался Николай, чувствуя, как в нем поднимается волна совершенно слепой и необъяснимой ярости. – Но не о том. Я спросил, есть ли еще что-нибудь важное. Сказать это слово по буквам?

– Но... – чуть ли не впервые в жизни растерялась Марго.

До сих пор все, что касалось супруги шефа относилось к категории «важное». И вдруг такой поворот! Да что с ним такое сегодня? Пришел пешком, вот-вот взорвется непонятно из-за чего. События-то все рутинные, хоть и важные.

– Наталье Александровне от меня кланяйся, – чуть спокойнее продолжил Николай, – всем остальным, впрочем, тоже. А мне вызови машину, я уезжаю.

– Немедленно?

– Через десять минут. И никому об этом ни слова. Меня нет, я умер, сообщу когда воскресну. Все.

Если Марго и удивилась, то теперь ничем этого не выдала. Она бесшумно исчезла из кабинета, а Николай открыл личный сейф, выгреб из него, не считая, всю наличность, запасную банковскую карточку и заграничный паспорт с «долгоиграющей» шенгенской визой, переоделся в личных покоях за кабинетом и покинул офис через мало кому известный выход.

Марго то ли что-то поняла, то ли действительно бывала ясновидящей: машина ожидала шефа не у главного входа, а у той самой неприметной двери, которой он и воспользовался. Николай уселся на заднее сидение, нацепил на нос непроницаемые черные очки и сказал шоферу:

– В Шереметьево. Мухой.

Почему в Шереметьево? Почему как можно быстрее? На все эти вопросы ответа у Николая не было. Ему хотелось просто убраться как можно дальше от опостылевшей работы, от обнаглевших от хронического безделья баб, и вообще от всей клятой столичной суеты.

куда-нибудь подальше. Пусть без него подписывают документы, проводят совещания, развивают бизнес, заколачивают бабки. Пусть играют в эти игры до посинения... или идут к черту. А он уходит со сцены, не дожидаясь конца действия и занавеса.

А куда – особого значения не имело. Куда-нибудь, божий мир велик, а самолеты летают во всех направлениях с достаточно большой скоростью. Когда на человека вот так сваливается все и сразу, важно только одно – отползти в безопасное место как можно быстрее. Главное, чтобы такое место хоть где-нибудь было.

И чтобы были деньги на дорогу. Наверное, это по большому счету и есть счастье: иметь возможность смыться бесшумно и в неизвестном направлении. Правильно ведь кто-то сказал давным-давно: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». То есть то, что можно купить прямо сию минуту.

Не отходя, как говорится, от кассы.

Глава вторая. Свобода как осознанная необходимость

Четыре часа спустя Николай сидел в полупустом салоне первого класса самолета «Эр-Франс» и наблюдал, как проплывает далеко внизу сначала Россия, потом – Белоруссия, причем с такой высоты разницы не было практически никакой. Стюардесса-очаровашка предложила любые спиртные напитки чуть ли не через секунду после взлета, и с милой улыбкой, на безупречном английском языке извинилась, что курить – увы! – запрещено.

– Даже в первом классе? – искренне изумился Николай, давненько не летавший рейсовыми самолетами.

– Мне очень жаль, – еще милее улыбнулась стюардесса.

– А мне-то как жаль, – пробурчал Николай по-русски, но решил смириться.

В конце концов, три часа без сигареты он вполне мог прожить. А стюардесса была – ну, очень миленькой. Загорелая, гладко причесанная брюнеточка, в обольстительной мини-юбочке и фирменном кителе, надетом на белоснежную блузку. Просто хрустящая вафельная трубочка с ванильным кремом. И пахло от нее чем-то нежным и сладким, точно в кондитерском магазине.

«Назначить ей свидание, что ли? – вяло размышлял Николай, потягивая ледяную водку, слегка разбавленную лимонным соком. – Наверняка у нее в Париже будет несколько свободных часов, а то и сутки. Закатиться в какой-нибудь отельчик в тихом центре французской столицы с такой куколкой, взять комфортабельный номер с трехспальной кроватью. И...

И потом окажется, что она точь-в-точь такая же, как наша, российская Маша или Глаша, только глупости щебечет на английском языке. Рано или поздно придется встать с постели и вести ее в какой-нибудь ресторан. А потом еще прогулять девушку по магазинам, так сказать, в знак признательности. Беседу светскую вести... И отвечать ей нужно будет по-английски, значит, думать над тем, что говоришь, да еще слова подыскивать из не слишком богатого запаса. Оно мне надо?»

«Оно» Николаю явно было не надо, а вот что нужно – он и сам не знал. Вылетев на волне ослепляющей злости и раздражения из офиса, он даже не заметил, как оказался в Шереметьево, хотя движение по Москве было столь же интенсивным, как всегда, и автомобильных пробок хватало. Но все это прошло как-то мимо его сознания. Исключительно на фоне стресса сумел купить билет на ближайший международный рейс, случайно оказавшийся парижским. Но с таким же успехом он мог улететь в Канаду или в Новую Зеландию, ну, во всяком случае, в любую страну, где действовала шенгенская виза.

На том же фоне стрессового раздражения и одновременно безразличия к окружающему он легко прошел все таможенные и пограничные рогатки. Хотя всем российским гражданам отлично известно, что человек без багажа – крайне подозрительная фигура. А у Николая не то, что чемодана – кейса с собой не было. Деньги и документы замечательно поместились в карманах спортивной куртки, в которую он переделался еще в офисе. Плюс джинсы и кроссовки. В принципе, нормально для американского миллионера, но совершенно немислимо для миллионера же российского. Увидели бы коллеги по бизнесу – с ума бы сошли от изумления. Увидела бы Наталья – убила бы презрением на месте.

Наталья... Вот она сегодня вечером точно с ума сойдет от злости. Все ее планы относительно светских мероприятий – коту под хвост, и даже скандал закатить не удастся, по техническим причинам. Мобильник отключен, куда Николай полетел – никто понятия не имеет. Ну, и Бог бы с нею совсем. И с Ульяной – тоже, пусть попробует его еще достать. Фигушки...

Начальник охраны, конечно, выяснит в шесть секунд, куда он, Николай то есть, подевался: мужик правильный и службу знает. Но – еще один его плюс! – будет молчать. Если шефу взбрело в голову экспромтом улететь, хоть на Аляску, хоть в Париж, то это – его право и его

воля. Захотел лечь на время на дно – опять же хозяин – барин. Слово – серебро, молчание – золото, а начальник его охраны, как неоднократно убеждался Николай, был золотом самой высокой пробы. Профессионал до мозга костей.

Значит, Париж. Город, в принципе, немного знакомый, но исключительно в плане удовольствий и развлечений для дражайшей супруги. Николаю он представлялся чем-то вроде огромного, дорогого магазина, внутри которого находятся умопомрачительные рестораны и роскошные гостиницы. Париж – неременный пункт остановки по дороге на Лазурное побережье или обратно. Уважающие себя дамы одеваются исключительно во французской столице, в Москве можно покупать только носовые платки, и то – при острой необходимости. Обувь, правда, лучше приобретать в Лондоне или, на худой конец, в Италии, но это пошло и банально. А вот небрежно бросить в светской беседе фразу типа «намучилась я, пока мне подобрали нужный тон лака для ногтей в этом... как его?... ну, этот салон на Елисейских полях все знают.»

И что он в этом самом Париже забыл, если и по-французски знает всего три слова: мерси, амур и тужур? С таким словарным запасом одному в Париже делать нечего. Лак для ногтей он себе искать не собирался.

Правда, Наталья по-французски тоже почти не говорила, но ведь при каждой уважающей себя гостинице обязательно имелась служба секретарей-переводчиков, и какая-нибудь девица всегда Наталью сопровождала. Зачем при этом ей еще был нужен рядом Николай – загадка. Слава Богу, такую потребность в пышной свите она испытывала через два раза на третий. Иначе было бы совсем невмоготу.

Естественно, и в отелях, и в ресторанах все говорят по-английски, только от этого веселее не становится. Вкусно поесть и в Москве можно, а отели Николай вообще еле терпел. Все эти обитые шелком диваны, антикварные столики-шкафчики и телефоны во всех помещениях, включая туалет, наводили на него смертную тоску. Всегда возникало желание расстелить на какой-нибудь бесценной столешнице газетку, отбить воблу и всласть попить пиво прямо из горлышка. Останавливало только то, что никто бы и ухом не повел, только в счет бы включили энную сумму. Скучно.

Нет, делать в Париже, этом городе грез миллионов людей ему решительно нечего. Впрочем... А если закатиться в какой-нибудь маленький, занюханный отельчик? Чтобы ни антиквариата, ни вышколенной прислуги, ни мраморных полов? Чтобы просто шататься по городу, закусывать в дешевых забегаловках, подмигивать хорошеньким девушкам? А вечером возвращаться в крохотную комнатку и просто, без затей, заваливаться спать? Одному...

Ага, интересно, как это он в такое место попадет, не зная языка? Он даже таксисту не сможет объяснить, чего желает. Хотя... Если сказать просто «отель», то вряд ли парижский водила повезет его в шикарную гостиницу, типа «Георга Пятого». Не тот прикид. Но и в мебелирашки искомые не доставит – иностранец.

Значит, привезет в современный караван-сарай с тремя звездочками на вывеске, где полным-полно всевозможных туристов. И питаться придется там, где понимают английский язык, то есть никак уж не в закусочных. Тоже не вариант. А что же делать?

Красотка-стюардесса очередной раз материализовалась возле его кресла и осведомилась, что угодно на обед. Хотя за весь день Николай только и выпил чашку кофе на кухне у Ульяны, есть не хотелось совершенно. А вот выпить... Выпить еще он бы точно не отказался, а под второй бокал водки с соком можно взять какую-нибудь закуску.

– Повторите, пожалуйста, мой дринок и что-нибудь поесть.

Да, английский тоже оставляет желать лучшего. Но если эта райская птичка в униформе его понимает, то... То, может быть, сможет помочь ему. Напишет пару фраз на родном для нее французском, а он продекламирует их таксисту. Только и всего. Но вот какие именно это будут фразы, следовало обдумать более тщательно.

Процесс обдумывания после еще одного «дринка» с закуской в виде икры и еще каких-то деликатесов плавно перешел в сладкий сон без сновидений. Когда Николай открыл глаза, выяснилось, что через полчаса самолет приземлится в аэропорту имени Шарля де Голля. Само по себе это было совершенно замечательно, но возникал все тот же вопрос: дальше-то куда?

– У вас есть карта Франции? – неожиданно для себя спросил Николай у почти уже родной стюардессы.

Разумеется, карта Франции у них была. Кто бы сомневался. Жаль, правда, что все надписи – по-французски, так что понять практически ничего невозможно.

– Это что? – осведомился Николай, ткнув пальцем в левую сторону карты.

– Бретань, – с готовностью ответила стюардесса. – Лучшая провинция Франции.

– Почему? – неподдельно изумился Николай.

До сих пор он считал, что лучшая провинция Франции – это Ницца. Правда, ничего, кроме нее, так и не довелось повидать. И вообще называть Ниццу провинцией... на это способны только сами французы. Даже Наталья произносит это название с уважением. Постольку, поскольку она вообще способна это уважение к кому-нибудь или чему-нибудь испытывать.

– Я родилась в Бресте, – скромно ответила его собеседница. – Это столица Бретани, один из лучших наших городов.

Ну, тогда, конечно. Тогда, естественно, лучше этого города, в частности, и провинции вообще ничего на свете нет и быть не может. Нашим бы российским провинциалам такое чувство патриотизма! А то если живешь не в Москве или, на худой конец, в Санкт-Петербурге, то на тебя смотрят, как на человека второго, если вообще не третьего сорта. Причем смотрят даже те, кто в эти замечательные города переселился каких-нибудь два дня тому назад.

– И чем же так хороша ваша родина? – осведомился Николай.

– У нас, в Бретани, самые знаменитые приливы и отливы. Море за несколько часов уходит к линии горизонта и на песке остаются ракушки, водоросли, разноцветные камушки... Каждый день можно попробовать свежайшую рыбу в любом ресторанчике. Палящей жары, как на Лазурном берегу, никогда не бывает: даже летом всегда свежий ветерок с океана. Так прекрасно!

– А как попасть к этой красоте? – не без труда сформулировал Николай следующий вопрос. – Только без людей.

– Без людей? – растерялась стюардесса. – Как это – без людей?

– А так. Пляж. Пустой. И какая-нибудь деревня.

– Ах, вы не хотите курортов? Понятно. Ну-у... Ну, тогда, наверное... Конечно! Круазик!

– Круа.. что?

– Это очень старинный город на берегу. А за ним – пляжи, километров десять. Это немодный район, совсем немодный. Только местные жители, рыбаки...

– То, что надо! – воодушевился Николай. – Модными районами я давно не интересуюсь. Как проехать?

– О, это просто! – обрела прежний апломб стюардесса. – С вокзала Монпарнас экспресом. А там можно взять такси.

– Волшебное, – согласился Николай. – Могу я вас попросить...

– Всегда к вашим услугам.

Николай бросил короткий взгляд на прелестницу. А что, действительно: всегда к услугам. И, между прочим, этого вовсе не скрывает. Пассажир первого класса – от них всего можно ожидать. И эта, скорее всего, дождется, уж больно хороша. Только – не от него. С него, лично баб хватит, ныне, и присно и вовеки веков. Эта же кондитерская куколочка полетает максимум полгода – и выскочит замуж за какого-нибудь американского миллионера или кинозвезду. У них это просто.

– Напишите мне, по-французски, что нужно сказать шоферу.

Стюардесса, ни на секунду не задумываясь, начертала на листке из фирменного блокнотика несколько слов.

– Это – тихое местечко, – повторила она. – Прекрасный пляж, теплое море, птицы щебечут, мало людей... То есть их, можно считать, вообще практически никогда не бывает. Я помню...

Тут она осеклась и даже, кажется, покраснела.

– Вы там были с бой-френдом? – спросил Николай.

Девушка кивнула и покраснела по-настоящему.

«Господи, да она же совсем ребенок! – пронеслось в голове у Николая. – Лет двадцать, не больше. Могла бы быть моей дочерью, если по возрасту... А я смотрю на нее, как на... Ладно, не будем усугублять».

Он вытащил из кармана куртки купюру в сто евро и сказал:

– Спасибо. Купите себе что-нибудь на память обо мне.

Стюардесса так изумилась, что даже забыла поблагодарить в ответ...

Когда Николай из прохлады кондиционеров аэропорта вышел к стоянке такси, его тут же обдало настоящим зноем. Убежав из душной и, как казалось, жаркой майской Москвы, он угодил в самое настоящее пекло. Пришлось тут же снять куртку и перекинуть ее через руку. Н-да, просто Экваториальная Африка какая-то, а не европейская столица.

Да, пожалуй, океан – это самое то, права была красавица-стюардесса. В Париже по такой погоде делать решительно нечего, задохнуться он и на родине мог. Теперь нужно взять такси и попросить шофера отвезти его на этот самый вокзал Монпарнас. А там – разбираться по обстановке. Все-таки Европа, надо надеяться, что с местными поездами тут порядка больше, чем с российскими электричками.

Впрочем, справедливости ради, следует сказать, что Николай основательно забыл, что из себя представляют эти самые электрички. Вспоминались только какие-то обрывки: толпа на перроне, давка в холодном и одновременно душном вагоне, кошмарные деревянные скамьи... Давненько это было. Можно считать, в другой жизни.

С первым же шофером такси повезло: куда везти он понял практически сразу. Собственно говоря, понять название «Монпарнас» было не так уж и сложно, а то, что имелся в виду вокзал, Николай изобразил с помощью звуков. «Ту-ту» и «чух-чух», по-видимому, были понятиями интернациональными. Ну, и записочка стюардессы сыграла, конечно, не последнюю роль.

В такси был кондиционер, что Николая несказанно обрадовало. Пока машина медленно ехала по очень оживленной магистрали – своего рода МКАД, только более ухоженной и с многочисленными электронными табло – Николай глядел в окно без особого интереса. Ничего такого, обычные многоэтажки, только разноцветные, да высокие полупрозрачные заборы вдоль шоссе, защищавшие жителей этих домов от шума. Такие сооружения уже появились в Москве, поэтому даже простого любопытства как-то не вызывали.

Но когда такси свернуло на более узкую улицу в сторону центра, и появились дома типично парижской архитектуры, с обязательными мансардами и балкончиками, утопающими в цветах, Николай ощутил, как властно его захватывает неувядаемая прелесть этого города.

«Интересно, почему я прежде не замечал, как это красиво? Почему смотрел на Париж глазами своей драгоценной супруги? Может быть, стоит задержаться на денек-другой, побродить пешком по центру, посмотреть то, о чем только в детстве читал в романах Гюго и Дюма? И вообще посмотреть на город: ведь таких красивых балконов я никогда еще не видел. Да и сами дома: вроде бы, типовые, а каждый – на свое лицо. И как это они умудряются?»

Мысль мелькнула – и исчезла, как только Николай представил себе эти прогулки по жаре, в совершенно чужом городе, да еще без знания языка. Нет уж, надо ехать, куда посоветовала та милая девушка в самолете, – к океану. К прохладе, тишине, подальше от людей. Балкончики,

конечно, штука хорошая, но они – высоко, а ходить придется по земле, где полным-полно людей и машин. Надоело...

А Париж никуда не убежит, если захочется – вернется сюда еще раз... осенью. Вон тот сад, который проплывает сейчас за окном машины, он, наверное, очень красив в желто-красной листве. Что это такое, интересно? Можно ли там гулять или это – часть какой-то собственности типа усадьбы?

Шофер, словно прочитав его мысли, слегка повернул голову и сказал:

– Пер-Лашез.

В первую минуту Николай ничего не понял, но потом вдруг его осенило: да это же знаменитое кладбище! Надо же, вот так, в тесном кольце жилых домов, окна которых смотрят прямо на старые могилы... Конечно, тут уже давно никого не хоронят, сюда экскурсии водят, зато тишина, покой, шелест листвы за окном...

А вот интересно, смог бы он жить в доме с таким видом?

И тут же Николай подумал, что не может вспомнить, какой вид открывается из окон его загородного дома. И тем более не может вызвать в памяти то, что находилось перед окнами его теперь практически заброшенной московской квартиры. Господи, он и квартиру-то, оказывається, не помнил! А ведь выбирал, радовался, со специалистами по дизайну советовался...

Квартира в центре, это точно. Наталья тогда без конца говорила о какой-то московской «золотой миле», о кварталах между Остоженкой и Пречистенкой, где только и могут жить «приличные люди». Что там можно видеть из окон? Наверняка, стену здания напротив. В лучшем случае – бесконечно скопление крыш, но уж точно не зеленый массив, пусть и небольшой. Да, правильно, с одной стороны окна выходят на довольно оживленную, хотя и узкую, улицу, с другой – в тесный дворик, где тихо, но почти никогда не бывает солнца. Зато престижно! Как ему надоел этот пресловутый «престиж», кто бы знал...

От этих невеселых размышлений его отвлек голос шофера. Машина уже стояла перед огромным зданием достаточно замысловатой архитектуры. Николай по привычке полез в карман пиджака за кредиткой, чертыхнулся, не обнаружив этого самого пиджака, на секунду испугался, что расплачиваться ему нечем, но тут же сообразил, что деньги – в кармане куртки, а куртка – рядом с ним на сидении. Не без труда, но расплатился с шофером, который, кажется, остался доволен странноватым пассажиром. А может быть, он и не таких еще повидал, при его-то профессии.

Теперь оставалось совершить еще один подвиг: отыскать кассы, купить билет до нужного города и разобраться с расписанием. И все это – без знания языка, без услужливых помощников-секретарей-переводчиков, к которым успел привыкнуть за последние годы. Все нужно было делать самому и писать жалобы, если что-то пойдет не так, как хотелось бы, можно было только на самого себя.

Но кому-то тому, главному, там, наверху, он для разнообразия, кажется, понравился. Кассирша в быстро найденных кассах почти сразу поняла, куда требуется билет, а фланировавший по залу полицейский неплохо знал английский язык. Везение продолжалось и после того, как обнаружилось расписание поездов: нужный ему поезд отходил через полчаса. Так что минут через пятнадцать Николай уже подходил к стоявшему на перроне поезду, готовому отвезти его к мечте. Точнее, увезти из вязкого и липкого кошмара последних дней.

Поезд? Меньше всего это походило на поезд в сугубо российском, привычном понимании. Блестящая, обтекаемая, яркая сигара, или, если угодно, лежащая горизонтально ракета, готовая с места прошить любое расстояние в считанные секунды.

Хотя... секунды, это, конечно, сильно сказано. Время в пути составляло примерно три часа. По европейским меркам – целое путешествие. По меркам опять же российским, всего-навсего поездка на родимую дачу к любимым шести соткам кочек.

Правда, Николай уже и не помнил всех прелестей подобных вояжей; родители, царствие им небесное, подобной роскошью обзавестись не успели, а сам он начинал с полноценного загородного дома, минуя нормированные сотки, удобства во дворе и прочие «прелести» дачного житья-бытья.

Помнил только, как невероятно здорово было закатиться к кому-нибудь из счастливицов – обладателей щитового домика у черта на куличках, жарить на костре шашлык, пить дешевенькое, кислое вино, петь под гитару... О сне никто и не думал, все были юные, здоровые, сутками могли, как бы сейчас сказали, «зажигать». А потом, как ни в чем ни бывало, отправляться по своим делам – к месту учебы или работы.

Как счастлив бывал он когда-то возле таких костров, рядом с какой-нибудь незамысловатой девчушкой. Как правило, и до серьезного-то не доходило, так, поцелуйчики да касание плеч. Но это самое касание давало куда больше, чем теперь приносят самые изысканные постельные радости...

Николай встряхнул головой. При мысли о «постельных радостях» тут же появлялось неотвязное видение: Ульяна Прекрасная, с заспанной, полу-испуганной, полу-недоумевающей мордашкой и ее так и оставшийся неизвестным юный партнер по койке. Разбросанная по всей спальне одежда, запах незнакомого мужского одеколona... да просто незнакомый запах! В общем, ничего приятного.

Хотя... Предшественницы Ульяны вряд ли соблюдали ему нерушимую верность, во всяком случае, иллюзий на сей счет Николай никогда не питал. Но хотя бы соблюдали видимость приличий, черт побери! Или это сейчас так принято: богатый содержатель для красивой жизни и молодые красавцы-жеребцы для радостей более интимных? Неужели он действительно настолько никудышный любовник, что с ним можно и вовсе не считаться – никуда, убогий, не денется? Пусть радуется, что ему вообще что-то обламывается от таких красавиц.

Но почему – никудышный? До женитьбы, кстати, проблем с женщинами у Николая никогда не было, и претензий он ни от кого не слышал, разве что упреки в легкомыслии и черствости. До женитьбы подруги ему втихаря не изменяли, если уж уходили, то после серьезной ссоры, или если вдруг встречали действительно «мужчину своей мечты». А легкомыслие и черствость... Так покажите мужчину, который хотя бы раз в жизни не услышал подобных упреков!

За невеселыми своими размышлениями Николай и не заметил, как оказался в вагоне. Тут его настроение вдруг и намного улучшилось, словно поднялась ртуть в градуснике, на который подышали. Мягкое кресло у огромного, чуть ли не во всю стену, окна, выдвижной столик, полно места, чтобы с комфортом устроиться, даже не устроиться – развалиться. И постараться насладиться путешествием по полной программе.

Ростом Николая Бог не обидел: за сто восемьдесят сантиметров парнишка перемахнул еще в седьмом классе, а после службы в армии добрал еще сантиметров шесть. «Кинг сайз», короче говоря, «королевский размер». Но с таким ростом всегда было проблематично удобно устраиваться в отечественном общественном транспорте, который, по-видимому, изначально рассчитывался на граждан сугубо средних параметров. А тут – пожалуйста, вытягивай ноги во всю длину, все равно еще останется свободное пространство до следующего ряда кресел.

Предстоящие три часа, таким образом, выглядели очень даже привлекательно. А когда поезд незаметно, очень мягко тронулся и довольно быстро набрал «крейсерскую» скорость, Николай понял, что не ошибся в выборе дальнейшего маршрута своей импровизированной поездки. За окном проносились незнакомые, но крайне приятные для глаза пейзажи с домиками-игрушками, ухоженными полями и небольшими рошицами, удушливая жара осталась где-то там, в Париже, а в вагоне было тихо, прохладно и даже уютно.

Вместо обворожительной стюардессы, правда, имелся проводник, но и против этого Николай ничего не имел, тем более что молодой человек вполне прилично объяснялся

на английском языке. Помимо всего прочего, он проинформировал пассажира-иностранца, что при поезде имеется вагон-ресторан, а если нет желания туда идти, то можно заказать еду и напитки прямо на место. Все доставят максимум через десять минут, если, конечно, не захочется чего-то эксклюзивного. Тогда, разумеется, придется подождать, но тоже не слишком долго.

– А что вы можете предложить? – заинтересованно осведомился Николай, к которому вместе с нормальным, почти хорошим настроением вернулся и аппетит.

– Лично я – ничего, – приятно улыбнулся проводник, – но ресторан может предложить очень многое. Вот меню, выбирайте, а я потом сделаю заказ по телефону.

– Вот так даже? – в очередной раз поразился Николай. – Такой сервис в поезде, с ума сойти можно.

Многоопытный, судя по всему, проводник даже глазом не моргнул. Что взять с иностранца? Тем более, не англичанин, не американец и уж точно – не немец. Судя по акценту – откуда-то с восточных окраин Европы, а там еще не успели привыкнуть ко многим достижениям цивилизации. Возможно, его теперешний клиент и в подобном поезде-то оказался впервые в жизни.

– Морскую кухню не рекомендую, – с доверительным видом добавил проводник. – Вы едете в Бретань, там и попробуете свежайшую рыбу, прямо из океана. А на нашей кухне...

Николай подумал, что в таком поезде рыба может быть максимум вчерашней, что в России однозначно считается «первой свежести», но спорить с проводником не стал, тем более что морская кухня особых восторгов у него никогда не вызывала. Жареная треска – это когда-то было сказочно вкусно, как и судак «по-польски». Обычно дело ограничивалось кильками в томате или – если уж очень повезет – селедкой из бочки.

Но это было давно. А с тех пор, как появилась возможность есть любую икру хоть ложками, а осетровым балычком или кетой закусывать пиво, Николай к дарам морей и рек стал крайне равнодушен. А уж всякие изыски типа устриц, омаров или акульих плавников откровенно недолюбливал: вкус в общем-то специфический, на гурмана. Даже раков, которые в России традиционно считаются лучшей закуской к пиву, никогда не любил, равно как и отечественный хит – воблю. Все равно самая лучшая рыба – это колбаса. Причем любая.

Колбаса в меню ресторана тоже нашлась. Правда, в виде блюда под названием «маленькая закуска». По какому-то наитию Николай решил ограничиться только им, плюс бокалом хорошего пива. И не пожалел.

«Маленькая закуска» оказалась огромным блюдом с мясным ассорти. В любом московском ресторане из него сделали бы по меньшей мере четыре порции, причем средних размеров. И хлеб оказался необыкновенно хорош: белый, теплый, ничем не напоминающий ту безвкусную жвачку, больше всего похожую на вату, которую продают в той же первопрестольной под гордым именем «французских багетов».

А пиво... оно и во французском поезде пиво. Хотя... Николай внезапно вспомнил рекламный ролик, который частенько крутили по телевизору, и хмыкнул. «Неважно, где ты находишься, важно, какое пиво ты пьешь». Чепуха. Неважно, какое пиво ты пьешь, важно, где ты находишься. В данное время он находился там, где ему было почти хорошо. Нет, не почти, просто хорошо. А главное – спокойно: телефон отключен, никто не пристает с псевдоважными деловыми (и не слишком деловыми) вопросами, и вообще ничего из себя не изображать. Просто сидеть в мягком кресле, пить пиво и закусывать. Красота!

Николай подумал было, что снова придется три часа не курить, но порядки на железной дороге оказались значительно либеральнее, нежели в самолете. Для курящих имелся специальный отсек с креслами и диванами, где, судя по всему, была и отменная вентиляция: запах табака практически не ощущался. Впрочем, и курильщиков было немного. Пожилой джентль-

мен с трубкой, типичный коммивояжер с американскими сигаретами и пара молоденьких девушек с какими-то непонятными сигаретками.

Девицам было очень весело, они строили глазки всем подряд и хихикали. Николай привычно насторожился, но тут же вспомнил, где он находится и в каком виде. Нет, расчетом тут и не пахло: молодые грации кокетничали исключительно из любви к искусству, а не в попытках завлечь в свои сети миллионера. Тем более, что ни один из трех курящих мужчин по внешнему виду на миллионера ну никак не тянул. Так, средней руки буржуа.

Одна, черненькая, очень стройная даже подошла к Николаю с новой сигареткой в прелестных, пухлых губках. Прикурить решила. Николай щелкнул зажигалкой, девица что-то прошептала...

– Не понимаю, – покачал головой Николай.

Брюнетка напряглась и выдала что-то по-немецки.

– Не понимаю, – повторил Николай.

Девушка хихикнула, игриво прикоснулась пальчиком к подбородку чудака-иностранца и вернулась к подружке. Было похоже, что неудача ее ничуть не расстроила. Да и наверняка она ни на что серьезное не рассчитывала.

«Играют... котята, – подумал Николай, – отворачиваясь от девиц к окну. – Такие прелестные, забавные... беспомощные, в общем-то. Хотя, наверное, уже не очень беспомощные. А скоро вырастут кошечки, отточат коготки и начнут охоту за глупыми, толстыми котами. Всюду одно и то же...»

Он вдруг вспомнил, как познакомился с Натальей. Девушка пришла в его офис наняться референтом по объявлению. Красотой она не поражала, фигурка, правда, была первоклассная. Вряд ли, впрочем, ее бы взяли на работу: менеджер по кадрам предпочитал набирать женский персонал по принципу «отрада для глаза, услада для рук» и, по слухам, устраивал соискательницам весьма своеобразные кастинги.

Судя по всему, от «кастинга» Наталья отказалась. Николай столкнулся с ней, когда она выходила из лифта на первом этаже, очень серьезная и очень грустная. Такой образец чистой прелести: белокурые локоны, минимум косметики и очень скромные туфельки на стройных ножках. Трудно было вообразить себе что-либо менее соответствовавшее вкусам искомого кадровика.

– А почему такая печаль? – неожиданно для себя спросил Николай у блондинки.

Та вскинула на него большие голубые глаза и просто ответила:

– Не взяли на работу.

– Чем объяснили?

– Просто сказали, что я не подхожу.

– А вы не согласны?

– Не согласна, – тихо, но твердо ответила отвергнутая. – Я знаю два языка, стенографию, компьютер.

– Так вы хотите работать референтом?

– Не секретаршей же! – вдруг обдал его ледяным презрением белокурый ангел.

И Николай почувствовал, что его вольной, холостяцкой жизни приходит конец...

Через месяц ухаживаний, цветов и маленьких сувениров Наташа разрешила себя поцеловать. А еще через две недели согласилась выйти за своего страстного поклонника замуж, очередной раз удивив его скромностью запросов. Она не хотела ни роскошного свадебного платья, ни белого лимузина, ни медового месяца на яхте в Средиземном море. Только обвенчаться – и все. Разумеется, после официальной регистрации, но обязательно обвенчаться. И не в каком-нибудь помпезном храме, а в маленькой церквушке, затерявшейся в старомосковских переулках.

– Это моя любимая церковь, – сказала она тогда. – А замуж я выхожу один раз в жизни. Когда все так серьезно, роскошь – это пошло.

– Я не крещеный, – растерянно ответил Николай.

– Окреститесь.

– Но я не верю...

– Ваше право.

– Разве можно креститься без веры?

– А если бы Вас крестили при рождении? Вы же тогда и не соображали бы ничего.

Николай махнул рукой. В конце концов, не обрезание же его заставляли делать! Теоретически он и без того христианин, по месту рождения – православный, так почему бы не исполнить просьбу обожаемой невесты?

– Только крест носить не буду, – выдвинул он последнее условие.

Наташа только плечами пожала...

Она все устроила: Николая окрестили, а на следующий день, после быстрой и формальной процедуры в ЗАГСе, состоялось венчание. Такой красивой, как в церкви, Наташа не была уже никогда: она вся точно светилась изнутри. Потом был скромный ужин в закрытом загородном ресторане. А потом начался кошмар.

За почти двадцать лет почти сознательной жизни отношения Николая с женщинами складывались по-всякому, но никогда не доводилось ощущать себя насильником и грубым животным. А именно таким он оказался в первую брачную ночь, когда молодая жена рядом с ним сначала точно оцепенела, а потом...

До сих пор он не мог забыть дикого крика своей молодой жены, до сих пор у него перед глазами стояло видение залитой кровью постели. До этого ему как-то не приходилось лично иметь дело с невинными девицами, но разговоров в мужских компаниях наслушался предостаточно, и никогда ни о чем подобном не слышал. Да, пищат, кое-кто вскрикивает, пятна крови на простыне или еще где-нибудь. Но чтобы такое... Врагу в страшном сне не пожелаешь увидеть: полное впечатление того, что он вонзил в девушку нож, да еще повернул несколько раз в ране. Для верности, так сказать.

Потом горько рыдала то ли от боли, то ли от стыда, то ли еще от чего-то. Она ничего не желала объяснить, никогда и потом не объясняла, но не давала забыть о том, какой кошмар ей пришлось пережить по его милости, и какую огромную жертву принесла и продолжает приносить, исполняя пресловутый супружеский долг. Если бы не желание иметь детей, хотя бы одного ребенка, Николай давно оставил бы жену в покое. Но брак без детей, да еще **такой** брак представлялся ему ничем не оправданным абсурдом.

И вот теперь апофеоз этого абсурда плюс стечение всевозможных малоприятных обстоятельств сорвал его с места и погнал через половину континента невесть куда и непонятно – зачем. Что он, на самом деле, забыл в этой самой Бретани, на огромном полуострове, выдающимся в Атлантический океан между Бискайским заливом и проливом Ла Манш? Почему просто не поехал в какой-нибудь подмосковный клуб для избранных клиентов и не попытался прийти в себя и, так сказать, восстановить дыхание после всех этих заморочек? Создал сам себе новую проблему, никто, между прочим, не заставлял. Ну что ж, сам создал, сам и решать будет. По ходу дела.

Николай вернулся на свое место в вагоне и звонком вызвал проводника.

– Вы не знаете, какое место в Бретани самое безлюдное?

– Ну, вы же едете в Круазик... – слегка растерялся проводник.

– Еду, – согласился Николай. – Но если туда прибывают экспрессы из Парижа, то об уединении вряд ли можно мечтать. А вот какой-нибудь удаленный пляж...

– Думаю, что от Круазика вам нужно ехать в сторону Ля Боля, – услышал он после довольно продолжительной паузы-раздумья. – Там с одной стороны – солончаки, с другой – океан, а между ними – сосновый лес и десятикилометровый пляж...

– Какой-какой?

– Десятикилометровый, – с явным удовольствием повторил проводник. – Считается самым красивым пляжем в Европе. И, кстати, самым безлюдным, такой вот парадокс.

– Даже так, – протянул Николай. – Что ж, звучит заманчиво. А как туда добраться? Мне нужно будет взять такси?

– А по-другому вы туда и не попадете. Есть, конечно, рейсовые автобусы из Круазика, но это...

– Да, это сложно, – согласился Николай.

Он очень четко представил себе как, не зная ни слова по-французски, будет трястись в рейсовом автобусе (который, между прочим, еще где-то нужно отыскать) и таращиться в окно, чтобы не пропустить «подходящее место» для высадки. Но и таксисту ведь нужно будет дать хоть какой-то адрес...

– Вы не напишете, что нужно будет сказать шоферу? – использовал Николай прием, уже проверенный на стюардессе. – По-французски я, видите ли, не говорю.

– Нет, проблем, месье!

Проводник начертил на фирменном бланке какую-то фразу.

– А что это значит? – полюбопытствовал для порядка Николай.

– То, что вы хотели. Уединенное место на Берегу Люви...

– На каком берегу?

– На Берегу Люви, – повторил проводник, не понимая, что так изумило этого чудаковатого иностранца.

«Ну, конечно же, Берег Люви! Ох, уж эти французы! Без „амур-тужур“ – никуда, похоже, всю жизнь только об этом и думают. Мне сейчас только амуров и не хватало, хоть бы и на берегу. Забраться неизвестно куда и угодить в местечко с таким водевильным названием! Нет, уж если не повезет, так не повезет капитально. Даже с географией».

– И на берегу с таким названием мало народа? – грустно осведомился Николай.

– В том месте, название которого я написал, практически никого, кроме местных жителей не бывает. Глушь, месье, полная глушь. Но если поехать в Ла Боль... О, это настоящий бриллиант на Западном берегу. Собственно, это и есть настоящий берег любви. Уединенные местечки, отели, рестораны...

– Спасибо, я понял, – перебил его Николай. – Отели и рестораны – это последнее, что мне нужно. Сойдет и закусовая.

– Воля ваша, месье.

«Вот это он правильно сказал, – подумал Николай, глядя вслед уходящему проводнику. – Моя воля. Главное – я сейчас свободен, пусть и на время. Никто меня не будет дергать по пустякам, доставать со всякими как бы важными глупостями... Собственно, главное даже не это. Главное – понять, что я свободен. Осознать это состояние. И перестать копаться в переживаниях, точно гимназистка какая-нибудь. Что было, то было, изменить в прошлом уже ничего нельзя. А вот просто отдохнуть от... От чего?»

Ответ на этот вопрос нашелся не сразу. Поезд уже прибыл в пункт назначения, Николай вместе с остальными пассажирами вышел на привокзальную площадь, нашел стоянку такси и даже успел каким-то невероятным способом договориться с одним из водителей, заплатив ему вперед вполне приличную сумму. И только уже сидя в машине, которая явно знавала лучшие времена, и глядя в окно на медленно заходящее солнце, он понял.

Отдохнуть нужно было от самого себя. Когда-то у него такой проблемы не могло возникнуть просто по определению. Студенческие годы промелькнули, оставшись в памяти как

кошмар зубрежек в период сессий и замечательные недели «на картошке» или в строительных отрядах летом. Десять рублей считались колоссальной суммой, а наличие отдельной комнаты хотя бы в общежитии – неслыханной роскошью и огромной привилегией.

Проблем «с предками» у него отродясь не было, хотя бы потому, что отец ему был неизвестен, а мать сбило машиной на улице уральского города, когда Николаю едва исполнилось семь лет. Вырос он в семье двоюродной тетки, добрейшей женщины, но совершенно затюканной жизнью с пьяницей-мужем и тремя собственными детьми. Она по-своему любила племянника, потому и не отдала в детский дом, как все вокруг ей настоятельно советовали, но... не скрывала своего облегчения, когда племянник более или менее благополучно закончил школу и был призван в армию.

После армии Николай на Урал уже не вернулся: поступил в нефтехимический институт, добился стипендии и места в общежитии. Вот тогда-то и начались золотые денечки, о которых он теперь с такой ностальгией вспоминал. И, не развалившись с грохотом и треском «нерушимый Союз», трудился бы сейчас на какой-нибудь буровой вышке в Сибири или в Заполярье. Но судьба распорядилась иначе.

Один из его однокурсников сначала на волне перестройки, а потом уже при «диком капитализме» исхитрился создать довольно крупную фирму текстиля и изделий из него. Пригласил Николая «в долю», хотя прекрасно знал, что денег у его приятеля нет. Но также знал, что голова у Николая работает отменно.

И не прогадал однокурсник: за год с помощью Николая удвоил первоначальный капитал и последовательно начал набирать обороты. При всем том оказался порядочным человеком и когда в недоброе время оказался в неподходящем месте и получил совершенно случайную, не ему вовсе и предназначавшуюся-то пулю, Николай остался единственным законным владельцем фирмы. И хотя первоначально не слишком-то увлекался, по его словам, «тряпочным бизнесом», то затем незаметно для себя втянулся и даже почти полюбил свою работу.

А потом пришли настоящие деньги... и закончилась относительно спокойная и достаточно приятная жизнь. Началась жизнь «нового русского», точнее, состоявшегося олигарха, который, правда, политику обходил стороной, законы старался не нарушать и вообще быть настолько честным, насколько это позволяли устоявшиеся уже к этому времени правила игры. Но если ему доставлял удовольствие процесс зарабатывания денег, то все остальное с ними связанное, навевало, в общем-то, смертельную скуку.

Долгое время он упорно сопротивлялся попыткам своих помощников заставить его переехать из вполне устраивавшей его «двушки» в Сокольниках, которую он любовно обустроивал собственными руками и которая его вполне устраивала. Более того, он, как ребенок, радовался, что может оформить кухню в стиле «хай-тек», поставить туда не традиционно-белый, а отливающий хромом холодильник, что у него не «кухонный уголок» с дурацким диванчиком и неудобным столом, а маленькая барная стойка с высокими креслами перед ней.

Ему доставляло огромное наслаждение выйти голышом из новехонькой ванной комнаты, прошлепать по кафельному с подогревом полу в кухню и нажать кнопку кофейного автомата, соответствующего по стилю холодильнику, микроволновке и всей прочей кухонной утвари. Нравилось закуривать первую сигарету, любясь в окно на парк, красивый в любое время года. Вообще нравилось начинать вот так каждое утро.

А в большой комнате он соорудил практически настоящий камин, только внутрь вставил электрическую имитацию пламени. И ничуть его не огорчало, что это – декорация, а не живой огонь, наоборот, на душе становилось как-то тепло и уютно. Очень он любил приводить новых подружек к себе в гости и угощать их вином, сидя на медвежьей шкуре перед камином. Шкура, между прочим, была настоящая.

И все, что происходило потом под тихую музыку из навороченного музыкального центра, тоже радовало. И спальня, где только и помещалась кровать, да шкаф-купе, казалась просто

райским уголком. В общем, в той квартире он был по-настоящему счастлив до тех пор, пока как-то незаметно не поменялся контингент его подружек и не слишком известная, но очень амбициозная фотомодель, переступив порог его жилища, разочарованно протянула:

– Так ты живешь **зде-е-сь?**

– Да, – даже растерялся он, – здесь. Правда, классно?

– Классно? – фыркнула девица. – Сейчас модно иметь двухэтажную квартиру, и чтобы спальня – как тренажерный зал. И камин должен быть настоящим. И вообще в таких домах уже живут только неудачники. Ладно, раз уж пришли...

Неудачником себя Николай, естественно, не считал, и поэтому всерьез не обиделся. Но осадок, как говорится, остался. Любопытства ради он поинтересовался, как живут его «коллеги по цеху», и пришел к выводу: фотомодель права. Как бы ему ни нравилось его жилище, статусу оно уже категорически не соответствовало. Нужно было с этим что-то делать.

Знакомые риэлторы быстро подобрали ему нечто более подходящее. От двухэтажных апартаментов он тогда, правда, отказался наотрез: на кой черт нужна эта беготня по лестницам из спальни в кухню? В новой квартире был огромный холл, плавно переходивший в тоже не маленькую гостиную, кухня находилась на специальном подиуме, спальня по размерам равнялась всей его прежней квартире, а в ванной комнате появилась хитрая штука под названием «джакузи».

Вот, пожалуй, она, да еще настоящий камин еще как-то примиряли Николая с его новыми хоромами в районе Сретенки. Но уютно ему там никогда не было. Вида из окна, как такового, не было, потому что окна выходили на глухую стену дореволюционной еще постройки дома, ждущего капитального ремонта. Кухня просто раздражала, потому что являлась как бы частью гостиной, а там уже в полном неглиже ходить как-то неприлично. А спальня была слишком большой для одного человека, тем более для Николая, у которого привычка к маленьким комнатам, по-видимому, уже перешла на генетический уровень.

Фотомодель, с которой начались все эти превращения, их уже не увидела: роман с ней продлился около двух недель и окончательно разочаровал Николая. Но ее преемницы, как он ни старался выбрать, при ближайшем рассмотрении оказывались почти клоном: идеальная внешность, стремление любой ценой сделать карьеру и неумная страсть к деньгам, а также к дорогим подаркам. И уж конечно ни на одной из них ему не хотелось жениться и, тем более, стать отцом ребенка с **такой** матерью.

На этом фоне Наталья вначале действительно показалась оазисом, идеалом и чистейшим образцом чистейшей прелести. Подлинная ее сущность начала проявляться лишь через несколько месяцев после свадьбы, в результате чего пришлось сначала снова менять квартиру – «чтобы перед людьми не было стыдно», потом строить загородный дом, тоже с оглядкой на «других», потом...

Потом выяснилось, что ему самому все это даром не надо, а супруга все равно остается хронически недовольной и им, и их жизнью. Слабым утешением служило то, что жены деловых партнеров тоже постоянно жаловались друг другу и вообще всем, кто хотел слушать, на свои «лучшие половины». Исключений из этого правила практически не было. Самое забавное же, с точки зрения Николая, заключалось в том, что для каждой из этих «олигархинь» их нынешний образ жизни был сказкой, фантастикой, недостижимой мечтой. Мечта сбылась...

Наталья оживала только тогда, когда устраивала приемы в собственном доме. Не часто, раз в несколько месяцев, но такие, о которых потом «все говорили». Николай никак не мог понять, почему прием у его жены сделался чем-то вроде «пропуска в высший свет». Умом Наталья не блистала, угощение у них было примерно таким же, как в тех домах, куда их приглашали... И тем не менее, попасть к ним в дом было не просто, и уж если кто достаивался такой чести, то старался, чтобы об этом узнало как можно больше людей.

Возможно, все дело было в том, что Наталья умела убедить окружающих в собственной уникальности и недоступности. Эдакая загадочная Снежная Королева с вечно печальными, задумчивыми глазами, которая вынуждена жить среди мелких проблем с мелкими людьми, не способными понять возвышенность ее духовных устремлений. И если ее подруги (хотя подругами этих дам можно было назвать с очень большой натяжкой) открытым текстом жаловались на своих мужей, любовников, детей и прислугу, то Наталья ограничивалась чуть слышными вздохами и короткими репликами типа: «Ну, надо же уметь себя сдерживать. Проблемы сейчас у всех, время такое...»

Ну, в общем-то, известно, что у всех свои проблемы: у кого щи пустые, у кого жемчуг мелкий. Николай, который лучше других знал, что бывают жизненные ситуации покруче и пострашнее, чем те, с которыми сталкивались (если сталкивались) его супруга и их знакомые, оказался прочно заключенным в круг людей, проблемы которых относились именно ко второй категории. И постепенно с ужасом начал понимать, что и сам становится таким же: может нахамить официанту в ресторане, резко одернуть ни в чем неповинного служащего, думать, что все можно купить за деньги и, главное, покупать. Покупать дорогие костюмы, которых у него и так была полная гардеробная, какие-то запонки, булавки для галстуков, вычурные и бессмысленные для российских дорог автомашины, женщин...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.